

Литература социально-революционной партии Народной воли

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Л64

Л64 Литература социально-революционной партии Народной воли / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 984 с.

ISBN 978-5-458-40817-2

ISBN 978-5-458-40817-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ

НАРОДНАЯ ВОЛЯ

СОЦІАЛЬНО - РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Годъ первый. — № 1 — 1 октября 1879.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Итакъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ молчанія свободное слово снова раздается въ Петербургѣ. Повидимому, этого не ожидали наши враги и на это мало надѣялись наши друзья. А между тѣмъ мы только исполняемъ наше давнымъ давно заявленное намѣреніе.

Молчаніе революціонной прессы обусловливалось вовсе не разгромомъ партіи, который существуетъ больше въ воображеніи правительства. Въ послѣднемъ номерѣ «Земли и Воли» заранѣе заявлялось, что на лѣтнее время изданіе будетъ прекращено и возобновится лишь къ осени. Прекратить его мы рѣшили по тѣмъ практическимъ соображеніямъ, которыя легко пойметъ каждый издатель: лѣтнее время — не время чтенія. Прошлогодній опытъ петербургской свободной прессы показалъ намъ, что въ лѣтній сезонъ изданія вести не стоитъ. Вообще, наше молчаніе нисколько не зависѣло отъ репрессивныхъ мѣръ правительства.

Намъ очень хотѣлось бы теперь выступить снова подъ старымъ названіемъ «Земли и Воли», столько пережившей, столько взволновавшей въ Россіи, такъ намозолившей пра-

вительству глаза, такъ близкой намъ и по воспоминаніямъ и въ смыслѣ лозунга. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ на это права. «Земля и Воля» велась извѣстною группою редакторовъ и издателей, въ томъ числѣ и нами. Расходясь теперь между собою во взглядахъ на значеніе борьбы съ правительствомъ, мы и остальные наши товарищи по «Землѣ и Волѣ» рѣшили прекратить свое старое изданіе, и очевидно, что ни мы, ни они, въ отдѣльности взятые, не имѣемъ права присвоивать себѣ это названіе.

Такимъ образомъ, редакцію «Народной Воли» составила одна часть старой редакціи «Земли и Воли». Понятно, стало быть, что «Народная Воля» вполне солидарна съ принципами, которые развивала «Земля и Воля». Мы на-мѣрены вести «Народную Волю» въ томъ же духѣ, не копируя, конечно, своихъ старыхъ статей, а развивая старые принципы сообразно съ историческими условіями, въ которыхъ придется дѣйствовать нашему изданію. Журналъ, какъ и практическій дѣятель, долженъ принимать въ соображеніе тѣ непрерывно измѣняющіяся комбинаціи, въ которыя ставятся между собой правительство, общество, интеллигенція, народъ и сама партія, чтобъ среди этихъ комбинацій направлять дѣятельность партіи цѣлесообразно. Практическія мѣропріятія партіи не могутъ быть составлены разъ навсегда по одному шаблону. Неизмѣнной остается лишь одна цѣль, средства необходимо должны измѣняться. Сегодня обстоятельства могутъ потребовать, чтобы всѣ силы партіи направились на борьбу съ правительствомъ, завтра можетъ быть необходимою усиленная дѣятельность среди городскихъ рабочихъ, среди крестьянства, въ расколѣ и т. п. Журналъ, какъ и отдѣльный дѣятель, не можетъ не слѣдить за всѣми варіаціями общественныхъ условій и не принимать ихъ въ соображеніе.

Такъ понимали мы дѣло, состоя въ редакціи «Земли и Воли», такъ понимаемъ его и теперь, и будемъ вести «Народную Волю» какъ вели «Землю и Волю», насколько это зависѣло отъ нашихъ усилій.

Нашимъ товарищамъ по старому органу мы можемъ выразить только искреннее уваженіе и надежду, что «Народная Воля» не останется безъ ихъ сотрудничества, насколько это не будетъ противорѣчить ихъ взглядамъ.

ОТЪ · ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

IX *) — Исполнительный Комитетъ извѣщаетъ, что Петръ Ивановичъ РАЧКОВСКІЙ (бывшій судебный слѣдователь въ Пинегѣ и въ настоящее время прикомандированный къ Министерству Юстиціи, сотрудникъ газетъ «Новости» и «Русскій Еврей») состоитъ на жалованьи въ III Отдѣленіи. Его примѣты: ростъ высокій, тѣлосложеніе довольно плотное, волосы и глаза черные, кожа на лицѣ блѣлая съ румянцемъ, черты крупныя, носъ довольно толстый и длинный; на видѣ лѣтъ 28—29. Усы густые, черные. Бороду и баки въ настоящее время бреетъ. Исполнительный Комитетъ проситъ остерегаться шпиона.

Исполнительный Комитетъ, 20 августа 1879 г.

X. — Во избѣжаніе недоразумѣній, Исполнительный Комитетъ заявляетъ, что онъ никогда не былъ учрежденіемъ, члены котораго выбирались бы всею Соціально-Революціонной Партіей, и что въ настоящее время онъ является совершенно самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ тайнымъ обществомъ.

Исполнительный Комитетъ, 12 сентября 1879 г.

Петербургъ, 20 сентября 1879 г.

Delenda est Carthago!

Намъ приходится переживать историческій моментъ крайне тяжелый, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне интересный по своимъ вѣроятнымъ послѣдствіямъ. По мѣткому выраженію одного изъ нашихъ публицистовъ — это моментъ ликвидаціи русскихъ общественныхъ направленій и симпатій. Русская жизнь подводитъ счеты всѣмъ направленіямъ, начиная съ правительственнаго и кончая различными фракціями революціоннаго, и не далеко время, когда окончательный расчетъ покажетъ съ очевидностью, на чьей сторонѣ находятся наиболѣе цѣнные фонды общественныхъ симпатій и наиболѣе вѣрное пониманіе народныхъ интересовъ.

Правительство является къ этому расчету, напрашивается такъ-сказать на него, съ самымъ безцеремоннымъ и циничъ

*) Предшествовавшія заявленія см. въ «Листкѣ Земли и Воли».

нымъ разоблаченіемъ самого себя, своихъ принциповъ, своей неспособности служить Россіи. Оно откровенно заявляетъ, что въ Россіи его никто не уважаетъ, не цѣнитъ, не считаетъ полезнымъ; что судъ — не только присяжныхъ, но даже вообще сколько нибудь независимый, честный — не будетъ защищать его; что охранять порядокъ даже противъ ничтожной, по словамъ правительства, группы революціонеровъ оно, по причинѣ всеобщаго несочувствія, не можетъ иначе, какъ приставивши по городовому къ каждому обывателю; что всякая мысль, выраженная свободно, и всякое слово, сказанное искренне, будетъ непремѣнно противъ него; что, въ виду всего этого, оно можетъ держаться только полнымъ подавленіемъ мысли, общественной жизни, уничтоженіемъ всѣхъ органовъ проявленія народной воли и терроромъ. Осуществляя систему, приноровленную къ подобной миссіи, правительство отрицаетъ право народа на землю, право городовъ и земствъ независимо вести свои дѣла, право какого бы то ни было слоя населенія на участіе въ государственномъ управленіи. Таковъ прямой и единственный смыслъ всѣхъ мѣропріятій и заявленій правительства за последнее время: всѣхъ этихъ генераль-губернаторствъ, военныхъ судовъ, висѣлицъ, повальныхъ ссылокъ, Маковскихъ циркуляровъ, разъясненій къ земскимъ и городовымъ положеніямъ, временныхъ университетскихъ и иныхъ уставовъ и проч.

Такой историческій моментъ, когда весь существующій порядокъ, съ правительствомъ во главѣ, открыто заявляетъ свою полную несолидарность съ интересами какой бы то ни было части населенія, является для правительства роковымъ моментомъ, а для всѣхъ оппозиціонныхъ партій — повѣрочнымъ испытаніемъ ихъ политической зрѣлости, ихъ практичности, ихъ способности служить родной странѣ. Ибо чѣмъ изолированнѣе правительство, чѣмъ менѣе видимой связи между его дѣятельностью и интересами народа, тѣмъ сильнѣе возбуждается общественная мысль, тѣмъ популярнѣе становится идея о необходимости переворота. Всякая масса инертна и труслива; она больше всего дорожитъ спокойствіемъ, и нужно много усилій со стороны правительства, чтобъ она перестала предпочитать самое плохое, но уже привычное настоящее — неизвѣстному и рискованному будущему. А потому каждая оппозиціонная партія должна до-

рожить моментомъ, когда неспособное правительство собственноручно рветъ послѣднюю связь свою со всѣми классами населенія, когда исправникъ, производя возмутительный по его мнѣнію арестъ, говоритъ: «вѣтъ, непременно нужна конституція!»; когда сельскій староста кричитъ, что онъ недоволенъ циркуляромъ Макова; когда самъ Гурко, отпуская на поруки вліятельнаго либерала, говоритъ: «ахъ, возьмите пожалуйста его, этотъ арестъ былъ такой ужасной глупостью»! Такое время — особенный подарокъ судьбы и тупости правительства, и если партія не съумѣетъ сдѣлаться популярною теперь, то она не будетъ ею никогда.

Подъ сплошною корою правительственнаго насилія, не пропускающаго наружу ничего, кромѣ шпионства, доносовъ, холопства, безсовѣстной карьеристики и рабски-услужливыхъ или идіотски безмысленныхъ голосовъ прессы, подъ этой корою общественная мысль все таки движется и работаетъ. Насиліе, со своими висѣлицами, каторгами, ссылками и тюрьмами — страшно: оно забиваетъ, отупляетъ и развращаетъ; но оно же и возбуждаетъ общественную мысль, потому что повсюду разрушаетъ интересы, благосостояніе, счастье всего, съ чѣмъ только ни соприкасается. И такъ какъ даже соединенныя усилія пятерыхъ генералъ-губернаторовъ не въ состояніи заставить чувствовать себя счастливыми тѣхъ, кого они дѣлаютъ несчастными, не могутъ заставить человѣка увѣровать въ справедливость того, что онъ находитъ несправедливымъ, — то повсюду, по всей странѣ неудержимо начинаютъ пробиваться, какъ ростки въ полѣ — критика, исканіе чего то лучшаго и способовъ осуществленія этого лучшаго. Пусть эта критика робка, пусть ограничена способность общественной мысли рѣшать сложныя общественныя задачи. За то съ тѣмъ большими ожиданіями обращается просыпающаяся масса къ партіи, которая во всеуслышаніе объявляетъ: я знаю, гдѣ выходъ, и какъ туда пройти. И если партія въ своихъ идеалахъ, въ своихъ средствахъ, съумѣетъ уловить дѣйствительныя требованія времени, — она сдѣлается силою, потому что всѣ общественныя недоумѣнія станутъ искать разъясненія у ней, и всѣ задачи свои народъ станетъ рѣшать подъ ея руководствомъ и предводительствомъ.

Такой именно моментъ переживаемъ мы въ настоящее время. Правительство предъявляетъ Россіи свои фонды, и

они оказываются столь же цѣнными, какъ его кредитная бумажка. Съ чѣмъ же явятся передъ народомъ и обществомъ партіи, представляющія тѣ или другія теченія нашей общественной мысли? Нельзя сказать, чтобы и ихъ фонды были особенно блистательны.

Политическія иллюзіи губятъ народы; онѣ же губятъ и партіи. Почему, напримѣръ, крестьянину кажется, что стоитъ только дойти съ челобитной до «батюшки-царя» — и все будетъ уважено и улажено? Почему г. Кошелевъ думаетъ, что стоитъ только созвать депутатовъ отъ земствъ на совѣщательный соборъ, — и все пойдетъ какъ по маслу? Потому что оба живутъ иллюзіей, а не выведенной изъ реальныхъ фактовъ идеей. И когда дѣйствительная жизнь, въ лицѣ Его Императорскаго Величества Государя Всероссійскаго, сталкивается съ иллюзіей «царя-батюшки», заступника крестьянскаго, несчастный ходокъ-мужикъ отправляется, куда Макарь телятъ не гонялъ. Такая же исторія повторилась бы, конечно, и съ Земскимъ Соборомъ Кошелева, повторится и со всякой политической иллюзіей, будь она самая наирадикальнѣйшая. А между тѣмъ нельзя не признать къ сожалѣнію, что склонность къ политической иллюзии — отличительная черта всѣхъ нашихъ русскихъ общественныхъ направлений. Развѣ не напоминаетъ, напримѣръ, крестьянина-ходока нашъ пропагандистъ 74 года? Лишь бы ему только дойти до мужика, лишь бы не помѣшали добратся до него, а тамъ — все будетъ прекрасно; нужно только сказать мужику, а онъ уже все разсудитъ и сдѣлаетъ. Результаты получаются совершенно одинаковые: мужикъ такъ же жестоко обманывается розовыми надеждами пропагандиста, какъ обманывается самого мужика царь-батюшка. Необъятное, непрогляднымъ мракомъ покрытое тянется передъ нами болото Россійской жизни, и блудящими огоньками бѣгаютъ вдали иллюзии, манящія неопытныхъ въ теплый и свѣтлый уголокъ и приводящія ихъ въ холодную трясину.

Партія, претендующая на какую нибудь будущность, должна основываться прежде всего на строго реальномъ отношеніи къ жизни. Самый розовый идеалъ не только бесполезенъ, но вреденъ, если онъ по своей неосуществимости не можетъ воплотиться въ жизни самъ. а между тѣмъ отвлекаетъ силы и работу отъ менѣе грандіозныхъ, но возможныхъ улучшеній въ жизни. Пропаганда идеально полез-

ныхъ способовъ дѣйствія на практикѣ можетъ быть крайне вредна, если они въ настоящее время совершенно немислимы, а между тѣмъ, именно благодаря своей идеальности отрицаютъ тѣ способы дѣйствія, безъ приложенія которыхъ невозможно устраненіе самыхъ первыхъ препятствій съ народнаго пути. Партія дѣйствія должна ставить себѣ конкретныя, осуществимыя, непосредственно полезныя для народа цѣли и выбирать средства, въ данный моментъ наиболѣе дѣйствительныя.

Намъ кажется, что однимъ изъ важнѣйшихъ чисто практическихъ вопросовъ настоящаго времени является вопросъ о государственныхъ отношеніяхъ. Анархическія тенденціи долго отвлекали и до сихъ поръ отвлекаютъ вниманіе наше отъ этого важнаго вопроса. А между тѣмъ именно у насъ, въ Россіи, особенно не слѣдовало бы его игнорировать. Наше государство — совсѣмъ не то, что государство европейское. Наше правительство не комиссія уполномоченныхъ отъ господствующихъ классовъ, какъ въ Европѣ, а есть самостоятельная, для самой себя существующая организація, іерархическая, дисциплинированная ассоціація, которая держала бы народъ въ экономическомъ и политическомъ рабствѣ даже въ томъ случаѣ, еслибы у насъ не существовало никакихъ эксплуататорскихъ классовъ. Наше государство владѣетъ, какъ частный собственникъ, половиной русской территоріи; большая половина крестьянъ — арендаторы его земель; по духу нашего государства — все населеніе существуетъ главнымъ образомъ для него. Государственныя повинности поглощаютъ весь трудъ населенія и — характерная черта — даже въ карманы нашихъ биржевиковъ и желѣзнодорожниковъ крестьянскіе гроши стекаются черезъ государственное казначейство. Создавая и поддерживая всякую эксплуатацію, сжимая всю страну въ своихъ желѣзныхъ когтяхъ, подавляя всякую жизнь, мысль и инициативу, — наше государство представляетъ что-то вродѣ тѣхъ сказочныхъ чудовищъ, которыхъ умиловляли человѣческими жертвами и для борьбы съ которыми нужно было особенное вмѣшательство небесныхъ силъ. Исторія русской мысли не можетъ указать почти ни одного человѣка, служившаго развитію Россіи и не считавшагося въ свое время государственнымъ преступникомъ. Всегда и вездѣ наше правительство считало надежной опорой себѣ только подлеца, дурака

и грабителя, а всякій проблескъ ума, совѣсти и таланта считало признакомъ чего-то себѣ враждебнаго. Послѣдніе годы, годы возникновенія соціально-революціонной партіи, довели эти особенности правительства до абсурда. Десять лѣтъ почти мы только и слышимъ о политическихъ преступленіяхъ, процессахъ, ссылкахъ и казняхъ. Сѣверныя губерніи и Сибирь переполнены политическими ссыльными. Для борьбы съ движеніемъ правительство ставитъ на карту все, и выдвинуло въ деревнѣ противъ каждаго революціонера по крайней мѣрѣ 50 человекъ урядниковъ, сотскихъ и т. п. Весь обыденный строй государственной жизни передѣлывается, цѣлые корпуса опричины создаются — и все изъ за того, что существуетъ на свѣтѣ сотня другая народниковъ, «смущающихъ» крестьянъ. Дико, нелѣпо и неправдоподобно представляется все это, когда вздумаешь взглянуть на дѣло прямо, отвлекаясь отъ привычной глупости правительственныхъ мѣропріятій. Тѣмъ не менѣе все это существуетъ, со всѣмъ этимъ волей неволей приходится считаться.

Этого факта — русское государство, русское правительство, со всѣми его специфическими свойствами, со всѣми послѣдствіями его значенія и дѣятельности — не можетъ не принять во вниманіе революціонная партія, если хочетъ стоять въ уровень съ требованіями исторіи. Можно указывать на то, что непосредственное мѣсто дѣятельности партіи — народъ, что не путемъ политическихъ реформъ она осуществить его требованія. Все это такъ; но вѣдь непосредственной цѣлью операцій русской арміи былъ Константинополь, а приходилось, однако, чуть не полъ-года стоять подъ Плевной, потому что, не взявши Плевны, нельзя было двинуться за Балканы, нельзя было оставлять у себя въ тылу армію, способную отрѣзать русскимъ всѣ сообщенія. Правительство объявляетъ намъ войну; хотимъ мы этого или не хотимъ — оно насъ будетъ бить. Мы, конечно, можемъ не защищаться, но отъ этого, кажется, никто еще никогда не выигрывалъ. Нашъ прямой расчетъ — перейти въ наступленіе и сбросить съ своего пути это докучливое препятствіе, не дающее намъ дѣйствовать, ежедневно выхватывающее лучшихъ дѣятелей изъ нашихъ рядовъ и опутывающее насъ цѣлой сѣтью шпіоновъ, доносовъ, мелочныхъ придирокъ въ безплодной борьбѣ съ которыми потребляется бесполезно ⁹⁹/₁₀₀ нашихъ силъ. Мы не говоримъ, чтобы въ народѣ была аб-

солютно невозможна пропаганда, агитація, даже чисто бунтовская дѣятельность; но, при настоящихъ условіяхъ, она слишкомъ затруднена. Отсылаемъ читателя къ статьѣ «Изъ деревни», помѣщенной въ настоящемъ № «Народной Воли». Много ли результатовъ дастъ дѣятельность при такой обстановкѣ? Мы говоримъ, что для партіи абсолютно необходимо измѣнить эту обстановку, необходимо обуздать правительственный произволъ, уничтожить это нахальное вмѣшательство въ народную жизнь и создать такой государственный строй, при которомъ дѣятельность въ народѣ не была бы наполненіемъ бездонныхъ бочекъ Данаядъ.

Сознавши все значеніе правительства, сознавши необходимость борьбы съ нимъ и обузданія его произвола, наша партія не должна страшиться его силы. Русское правительство — желѣзный колоссъ на глиняныхъ ногахъ: оно не опирается ни на чьи интересы въ странѣ, оно живетъ само для себя, и потому не имѣетъ поддержки ни въ чемъ, кромѣ грубой силы, дисциплины и пассивнаго повиновенія въ своихъ собственныхъ рядахъ. да еще, пожалуй въ политической невыработанности своихъ противниковъ. Намъ правительство можетъ быть страшно только до тѣхъ поръ, пока мы не двинемся на него всѣми силами, ибо въ этомъ случаѣ за насъ будетъ все, что есть мыслящаго въ Россіи.

Такъ или иначе — современная правительственная система доживаетъ свои послѣдніе дни. Если не найдется никого, кто добилъ бы ее, она умретъ и сама естественной смертью. Но для нашей партіи существенно важно, чтобы новый порядокъ, имѣющій возникнуть на развалинахъ стараго, былъ сообразенъ съ интересами народа и самой партіи. Было бы непростительною ошибкой допустить, чтобы новый, будущій государственный строй оставался внѣ народнаго воздѣйствія, чтобы онъ, освобождая другіе классы населенія и открывая возможность дѣйствія другимъ партіямъ, оставлялъ при старыхъ условіяхъ массу народа и социалистическую партію. Тотъ или другой исходъ теперь въ рукахъ у насъ самихъ. Возьмемъ ли мы на себя инициативу противуправительственнаго похода и политическаго переворота, — или будемъ по старому игнорировать политическую дѣятельность, тратя всѣ силы на то, чтобы биться около народа, какъ рыба объ ледъ? Вотъ въ чемъ вопросъ. Въ первомъ случаѣ — мы будемъ, несомнѣнно, имѣть въ движеніи свою долю вліянія

и, если не достигнемъ полнаго освобожденія народа, то по крайней мѣрѣ добьемся признанія верховной власти его. дадимъ ему вліяніе на весь существующій порядокъ вещей, санкціонируемъ существованіе доброжелательныхъ народу направленій, добьемся того, что служеніе народу не будетъ синонимомъ государственнаго преступленія. Во второмъ случаѣ мы несомнѣнно очутимся въ положеніи еще болѣе тяжеломъ, чѣмъ теперь, потому что новое государство, конечно, будетъ сильнѣе современнаго, будетъ имѣть болѣе, не только матеріальной силы, но, что всего важнѣе, — силы нравственной, и бороться съ нимъ будетъ дѣйствительно трудно. Допустивши совершеніе политическаго переворота безъ своего воздѣйствія, наша партія осудитъ себя, можетъ быть, на цѣлыя столѣтія тяжелой подготовительной работы.

Повторяемъ: настоящій моментъ — моментъ первостепенной важности. Вся тяжесть преслѣдованій, казней и медленнаго задушенія по тюрьмамъ — все это пустяки по сравненію съ тѣми огромными послѣдствіями, какія настоящій моментъ можетъ дать для народа, если социалистическая партія счумѣетъ понять обстоятельства и овладѣть ими.

И она, безъ сомнѣнія, счумѣетъ это сдѣлать. Мысль о значеніи политическаго переворота медленно, но прочно назрѣвала въ нашихъ рядахъ. Ее оставилъ намъ, какъ свое послѣднее завѣщаніе, Валеріанъ Осинскій, въ своемъ предсмертномъ письмѣ (см. «Лист. З. и В.» № 6); эта мысль проявлялась въ цѣломъ рядѣ фактовъ антиправительственной борьбы, и мы сами готовы повторить то, что высказали еще въ «З. и В.» : «Правительство, говорили мы, объявляетъ войну уже не однимъ революціонерамъ, а всей Россіи. Пусть будетъ такъ... Мы знаемъ, много отдѣльныхъ личностей изъ нашей среды погибнетъ, но гибель единицъ не страшна для партій, когда весь ходъ исторіи ведетъ къ революціи, когда само правительство беретъ на себя трудъ уяснить Россіи до очевидности, что такое наше современное государство. Мы принимаемъ брошенную перчатку...» (З. и В. № 5, Отголоски 2-го апрѣля). Политическая борьба, къ которой насъ неудержимо приводятъ всѣ условія русской жизни, вопреки всѣмъ предвзятымъ теоріямъ, была бы еще болѣе популярна, если бы у насъ не существовало ходячаго предразсудка, что будто-бы, участвуя въ ней, мы загребаемъ своими руками жаръ для другихъ, что результатами побѣды